

На правах рукописи

Меньшиков Андрей Сергеевич

**Философские основания теории толерантности в трактате Николая
Кузанского «О религиозном мире».**

Специальность 09.00.03 – История философии

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
философских наук

Екатеринбург

2006

Работа выполнена на кафедре истории философии философского факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель: Хомяков М.Б., доктор философских наук, профессор.

Официальные оппоненты:

Степанова Е.А., доктор философских наук, профессор;

Мышинский А.Л., кандидат философских наук, доцент.

Ведущая организация: Уральская академия государственной службы.

Защита состоится «_16_» __июня__ 2006 г. в _14:00_ на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Уральском государственном университете им А.М. Горького по адресу: 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, ком. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан «_4_» __мая____ 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Доктор философских наук

В.В. Ким

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования.

Несколько лет назад прошедшие мероприятия в честь шестисотлетия Николая Кузанского (конференции, встречи, семинары, публикации исследований и пр.) показали, что наследие Николая привлекает, и надо признать вполне заслуженно, огромный исследовательский интерес. В нашей стране ситуация прямо противоположная. Выработанные в девятнадцатом столетии и перенятые нашими авторами первой половины двадцатого столетия стереотипы некритически приняты фактически повсеместно (учебники повторяются дословно). Новых, критически изданных переводов и исследований не появляется. Опубликованный почти десятилетие назад, не вошедший в двухтомник «Философского наследия» трактат «О мире веры» не вызвал почти никакой реакции научного сообщества.

Тем не менее, именно этот трактат оказался в центре жарких споров в последние десятилетия. Стоящие перед современным человеком общественно-политические проблемы вынудили ученое сообщество искать возможные модели сосуществования различных (в том числе религиозных) групп людей, давать этим моделям теоретическое обоснование, оценивать предлагаемые модели с точки зрения справедливости и морали. Российские (М.Б. Хомяков) и американские (М. Уолцер, К.Дж. Нидерман, Дж.К. Лорсен) исследователи подвергли критике мнение о всеобщности одной лишь либеральной трактовки толерантности и предложили альтернативные модели как в истории, так и в современности. Одним из исторических контраргументов критиками либерального подхода в этой дискуссии была приведена концепция религиозного мира Николая Кузанского.

Поскольку именно этот текст приобрел особое звучание и важность в современном контексте истории философских обоснований идеи толерантности (общая линия историко-философского исследования концепций толерантности), а также поскольку историко-философская

аккуратность в понимании этой концепции (концепция толерантности Кузанца в контексте его философии) необходимы для плодотворной дискуссии о толерантности, я к нему и обращаюсь.

Степень разработанности проблемы

Русскоязычные исследования творчества Николая в целом представлены предисловиями к изданиям его текстов;¹ главой в работе Бицилли² и главой в многотомной «Истории эстетики» Лосева.³ За последние годы появились несколько статей, среди которых следует выделить: «Николай Кузанский и принцип совпадения противоположностей» Пиамы Павловны Гайденко, а также рассмотрение нашего диалога А.Л. Савитским (большая часть идей в статье которого преимущественно восходят к исследованию А. Морера).⁴

В XX-ом веке со времен появления в 1913 году издания «Об ученом незнании» (издание Ротта) интерес к его наследию лишь укреплялся. В послевоенные годы сложилось несколько школ, изучающих творчество

¹ Тажурзина З.А. Николай из Кузы. // Сочинения в 2-х тт. М: Мысль, 1979. 5-47.

Сергеев К.А. Бытие и мир в философии Николая Кузанского. // Об ученом незнании. М: Азбука, 2001. 5-99.

² Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. Глава 1, 2. СПб: Мифрил, 1996. 34-42.

³ Лосев А.Ф. Николай Кузанский. // Эстетика Возрождения. М.,Л.: Наука, 1976.

⁴ В целом набор русскоязычных исследований по Кузанцу невелик:

Базулева Т.Л. Закон бесконечности Николая Кузанского как принцип познания духа. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Вып. 2. 20-25.

Гайденко П.П. Николай Кузанский и античный платонизм. // Античность в культуре и искусстве последующих веков: Материалы научной конференции (1982). М.: , 1984. 55-71.

Николай Кузанский и принцип совпадения противоположностей. // ВФ 2002, 7. 131-142. и // Богословие и философия: аспекты диалога. М.: , 2001. 119-146.

Гончаров И.А. Космос, человек и бог в учении Николая Кузанского. // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 8, Вып. 3. 23-28.

Гончарова З.М. Универсализм и «соразмерность» философии Николая Кузанского. // Вестник Новгородского университета. Сер. Гуманитарные науки, Вып. 18. 9-12.

Городова М.Г. Логические предпосылки гносеологии Николая Кузанского. // Логика и рост научного знания. СПб: , 1992. 184-190.

Мелих Ю.Б. Значение понятия «стяженное» Николая Кузанского и его интерпретация в учении Льва Карсавина. // ИФЕ 2000. 263-277.

Савитский А.Л. Учение Николая Кузанского «О согласии вероисповеданий» как выражение идеи религиозной толерантности. // Толерантность в культуре, этнических и межконфессиональных отношениях. Курган: , 2003. 206-209.

Силантьев С.В. Критика «ученого незнания» Николая Кузанского в трактате Иоганна Венка «De Ignota Litteratura». М.: МГУ, 1995.

Смагин Ю.Е. Учение о мире в философии Николая Кузанского. СПб: , 1992.

Николая, особо стоит отметить *American Cusanus Society*, *Cusanus-Gesellschaft*, *Institut für Cusanus-Forschung*, даже в Японии есть общество по изучению Кузанца. Все они публикуют свои материалы,⁵ проводят конференции, переводят и издают тексты Николая и современников, связанных с ним интеллектуальными и дружескими узами.

Литература, посвященная наследию Николая, огромна, тем не менее, нельзя не отметить вклад таких исследователей как Эдмон Ванстенберг, который первым из современных ученых обратился к этой теме, Рамон Клибански, выдающийся исследователь платонизма в Средневековье и редактор критического издания Гейдельбергской Академии текстов Николая в частности; Эрих Мейтен, Йозеф Кох, Эрих Хоффман и Фридрих Ульман, неутомимые искатели и издатели текстов, маргиналий, заметок и книг, некогда составлявших библиотеку в Кузе, Николая.

Бурная полемика разразилась в 60-е годы между Паулем Зигмундом и Моримичи Ватанабе о роли Аристотеля и влиянии Марсилия Падуанского в политической мысли Николая; также, кузановедами оспаривалось мнение о развитии, трансформации и пересмотре со временем некоторых собственных идей в философии Кузанца, изложенное Эдвардом Кранцем в его статьях.⁶ Существенный интерес представляют сборники, посвященные годовщинам Николая.⁷ Множество работ, посвящены изучению всевозможных влияний в философии Кузанца, влиянию его самого на современников, и в особенности его роли в истории Ренессанса, одними из которых являются исследование Эрнста Кассирера, о чем речь будет ниже, и работа Паулины Моффит Уотс, появившаяся в 1982 году. Наибольшего внимания среди исследований за последние годы заслуживают работы Джаспера Хопкинса и Курта Флаша, которые являются наиболее профессиональными и полными исследованиями

⁵ Приношу свою благодарность К.Дж. Нидерману за предоставление доступа к архиву материалов, опубликованных *American Cusanus Society*.

⁶ Cranz F. Edward. *Nicholas of Cusa and the Renaissance*. Ashgate: Variorum, 2000.

⁷ *Nicolò da Cusa: Relazioni tenute al Convegno Interuniversitario di Bressanone*. Firenze, 1962.

Nicolo Cusano agli inizi del mondo moderno. Firenze: Sansoni, 1970.

Concordia Discors. Studi su Nicolo Cusano e l'Umanesimo Europeo Offerti a Giovanni Santinello. A cura di Gregorio Piaia. Padova: Antenore, 1993.

творчества Николая, что значительно помогли мне в понимании изучаемого мной текста и мысли Николая в целом.

Среди исследований, посвященных непосредственно трактату «О мире веры», стоит разделить работы скорее исторического плана и работы, рассматривающие его связь с философией Кузанца в целом, о последних я буду более подробно говорить в первой главе. Наиболее интересной среди исторических работ является статья Б. Декера. Текст Николая привлек Бруно Декера⁸ в связи с предстоящим вселенским собором. Он проводит сравнение концепций и подходов к религиозному миру в условиях различия, и даже противостояния, религий обращаясь к «О мире веры» Николая, «Утопии» Томаса Мора, «Коллоквиум гептапломерес» Жана Бодена, «Городу Солнца» Томмазо Кампанеллы, сочинениям эпохи Просвещения (Лессинга, Землера и др.), пытаясь проверить расхожий тезис о том, что Кузанец был «просвещенцем до Просвещения»⁹, и также желая прояснить применимость пути, предложенного Николаем, в современных условиях. В изложении Декера позиция Кузанца заключается в следующем: есть актуальная проблема – религиозные войны; есть причина этой проблемы – религиозные противоречия различных религий; есть решение этой проблемы – умиротворение религий через установление *согласия вер*, при этом сохраняя *различие обрядов*. Важно понимать, что речь идет о согласии в области веры, толерантность же касается лишь обрядов¹⁰. По мнению Декера, это свидетельствует как о специфическом понимании Кузанцем веры (павлинистская концепция спасения верою), так и об особом отношении

⁸ Decker, Bruno. Die Toleranzidee bei Nikolaus von Kues und in der Neuzeit. // Nicolò da Cusa: Relazioni tenute al Convegno Interuniversitario di Bressanone. Firenze, 1962, 5-24.

⁹ Как писал Людвиг фон Берталанфи: «wohl niemals in der Geschichte hat sich ein römischer Kardinal zu einer solchen Höhe der Toleranz, zu einer so gelaüterten Religiosität erhoben, einer Höhe, welche auch Jahrhunderte später nur vor wenigen erreicht wurde»

¹⁰ «Soweit die zu erreichende concordantia in una fide orthodoxa in Frage kommt, gibt es keinen Spielraum für Toleranz. Diese ist nur möglich innerhalb der varietas rituum» (Decker, Bruno. Die Toleranzidee bei Nikolaus von Kues und in der Neuzeit. // Nicolò da Cusa: Relazioni tenute al Convegno Interuniversitario di Bressanone. Firenze, 1962, 199). «Er fordert nicht die Koexistenz verschiedener Religionssysteme, die sich gegenseitig tolerieren. Die Toleranz betrifft nur die Riten. Für die noch differierenden Glaubensbekenntnisse ist die Losung nicht Toleranz, sondern Konkordanz» (Decker, Bruno. Die Toleranzidee bei Nikolaus von Kues und in der Neuzeit. // Nicolò da Cusa: Relazioni tenute al Convegno Interuniversitario di Bressanone. Firenze, 1962, 202).

Николая к обрядам (как к «изменчивым знакам неизменной истины», которые ни необходимы для спасения, ни способны повредить спасению). Более того, избранный Кузанцем ряд рассматриваемых и согласуемых догматов (творение, Троица, боговоплощение, рождение от девы, спасительная роль крестной смерти Христовой, потустороннее блаженство, пресуществление), существенно их редуцирует¹¹, а также оставляет за скобками столь важный для римских католиков и столь мало приемлемый для других, даже для христиан, догмат о примате папства. С другой стороны, также ограничен ряд упомянутых обрядов (таинства, в особенности причастие, обрезание, пост, воздержание, молитва), т.к. отсутствует истолкование священства. Предлагаемое же Кузанцем отношение к обрядам не соответствует церковным установлениям: в своем более подробном рассмотрении обрезания и причастия он приходит к выводам, противоречащим *Decretum pro Jacobitis* Флорентийского собора 1442 года (явный запрет на обрезание для христиан) и постановлениям IV-го Латеранского собора (утверждение спасительной необходимости ежегодного пасхального причащения) соответственно. В целом, делает выводы Декер, Кузанец намеренно ограничивает количественно набор спорных вопросов, и искажает качественно и редуцирует содержание догматов к «доказуемому». Тем не менее, нет никаких оснований говорить о «просвещенчестве» Кузанца, так как свойственный Просвещению индифферентизм к историческим религиям откровения и приоритет «религии всеобщего разума» Николаю совершенно не свойственны. Мне представляется такое изложение наиболее адекватным, но в нем отсутствует рассмотрение того, почему, на каком основании Кузанец построил свою концепцию именно

¹¹ «Der dogmatische Gehalt der künftigen Universalreligion kommt also offenbar dem des katholischen Christentums nicht gleich. Cusanus nimmt eine dogmatische Reduktion vor, um die Konkordanz aller Nationen in den noch verbleibenden christlichen Fundamentalwahrheiten zu erleichtern» (Decker, Bruno. *Die Toleranzidee bei Nikolaus von Kues und in der Neuzeit.* // Nicolò da Cusa: Relazioni tenute al Convegno Interuniversitario di Bressanone. Firenze, 1962, 201). «Während die fides catholica die vom Hl. Geist gewirkte Antwort des Menschen auf den sich offenbarenden Gott ist, ist die fides orthodoxa des cusanischen Dialogs ausschliesslich ein Werk der Vernunft» (Decker, Bruno. *Die Toleranzidee bei Nikolaus von Kues und in der Neuzeit.* // Nicolò da Cusa: Relazioni tenute al Convegno Interuniversitario di Bressanone. Firenze, 1962, 202).

таким образом, в поиске ответов на эти вопросы я обращаюсь к исследованиям Кассирера, Леонардиса, Нидермана и Жаннин Килле в первой главе.

Что же касается общих исследований по философской и политической мысли Средневековья, то особо важными в моей работе оказались фундаментальные труды Джона Невила Фиггиса, Отто фон Гирке, Жозефа Леклера, Джона Моррала, Эрика Вогелина, Фрэнсиса Оукли и Хейко Оберманна.

Цель и задачи исследования.

Целью моего исследования будет историко-философский анализ трактата «О мире веры» и тех философских предпосылок, которые становятся для Николая основанием его концепции толерантности, а впоследствии оказываются в центре современной полемики. Таким образом, должны быть решены следующие задачи:

- раскрыть контекст, в котором трактат Николая приобрел свое особое звучание, т.е. дискуссию о толерантности, оценить сложившиеся представления с историко-философской точки зрения, т.е. оценить их адекватность и соответствие изложенной самим Кузанцем позиции;
- представить традицию межрелигиозного диалога, в которой появляется изучаемый трактат, и проследить, с одной стороны, влияния на мысль Николая, а с другой, своеобразие трактата;
- дать подробный анализ текста трактата, охватив как его теоретическое содержание, так и драматическую канву, выполняющую, в данном случае, особую смысловую роль.

Объектом исследования является трактат Николая Кузанского «О мире веры», заново мною переведенный с опорой на критическое издание Гейдельбергской Академии; до сих пор не переведенный на русский язык

трактат «О католическом согласии», выдающийся среди средневековых работ по политической философии, а также философские трактаты Кузанца, в частности «Об ученом незнании», многие идеи которых лежат в основе концепций, представленных в «О мире веры».

Предметом является концепция толерантности Николая Кузанского в контексте его философии и жанра межрелигиозного диалога, в котором написан трактат.

Методология.

С точки зрения технической; в рамках поставленных перед исследователем задач для анализа социо-исторических условий и философско-теологической традиции межрелигиозного диалога будут использованы конкретно-исторический и компаративный методы, для анализа же непосредственно трактата важными оказываются текстологический и герменевтический методы.

С точки зрения концептуальной; в своем историко-философском исследовании я в значительной степени ориентируюсь на современную проблематику толерантности; в принципе именно для того, чтобы включиться в полемику по поводу различных концепций толерантности и проводилось исследование. В этой связи методологически важным представляется прояснить вопрос об историко-философском исследовании и его соотношении с современными проблемами, т.е. вообще об истории философии и собственно философии.

Прежде всего, необходимо отметить, что по-разному понимаются как история, так и философия. Если максимально отвлечься от деталей, то можно выделить два понимания истории и три понимания философии. Я не говорю о различии истории как реального процесса, а непосредственно обращаюсь к *истории* как познанию этого реального процесса, такое познание может в самом общем смысле быть либо *описательным* (дескриптивным), собирающим всевозможные сведения; либо *повествовательным*

(нарративным), прочерчивающим определенную линию, рисуящим некий единый сюжет из взаимодействия факторов и множества фактов, даже если некоторые факторы и факты не очень вписываются в сюжет, иначе можно назвать такую историю телеологической.

В столь же широком смысле *философию* понимают либо как *мировоззрение*, некое обобщающее знание, задающее координаты нашего жизненного мира, обеспечивающее нас «картиной мира»; либо как *науку*, причем здесь также следует выделить, по крайней мере, два смысла, т.е. собственно наука, наука в строгом смысле (science), и *дисциплина*, которая преподается в учебных заведениях, наука в буквальном смысле русского слова. Соответственно тому, что понимается под историей и философией, разные авторы говорят о целях историко-философского исследования и о соотношении истории философии и философии.

Среди русскоязычных исследований особо стоит отметить совместные труды К.Н. Любутина и Б.В. Емельянова, работы Т.И. Ойзермана и З.А. Каменского. Также, рассматриваются модели историко-философского исследования Дж. Р. Коллингвуда, Р.Мэша, Г. Гордона, Р. Попкина, П.О. Кристеллера, Дж. Пассмора. В рамках цели и задач моего исследования наиболее продуктивной представляется предложенная Пассмором модель «комментирующей истории философии», который предложил различать полемическую (аисторическую в своем отношении к идеям), культурно-историческую (реконструирующую мировоззрения, или «жизневоззрения» в терминологии А.В. Перцева) и проясняющую концепции истории философии, в рамках последней он выделил доксографию, ретроспекцию, а также проблемную историю философии. Философы не конструируют систем и не выражают свое мироощущение специфическим образом, это скорее «побочные эффекты», или дополнительные бонусы, причем достаточно позднего времени, они, прежде всего, решают определенные проблемы, озадачены определенными вопросами. «Чтобы говорить об истории, необходимо выделить некий определенный предмет, последовательно

изменяющий свои состояния в прогрессивном развитии».¹² Таковым предметом для философии и являются «проблемы философии», необходимо однако принять во внимание, что это скорее «*проблемное поле*», чем «список вопросов», некоторые повторяющиеся темы (например, концепции знания и истины, некогда разрабатываемые с позиций софистов, поэтов, врачей и государственных деятелей, теперь же истории, физики, психоанализа и религий). Затруднительно все же говорить о прогрессе решения вопросов, скорее о выявлении более неприемлемых решений, тем не менее, развитие понимания очевидно. Кроме того, проблемная история философии позволяет рассматривать *внутреннюю логику* движения философской мысли, именно логику, ведь позиции находятся под влиянием и легитимируются через аргументацию.¹³ Таким образом, историк философии, работающий в модели проблемной истории философии, старается прояснить: какую проблему пытался решить мыслитель; каким образом и почему эта проблема привлекла внимание мыслителя; какие новые подходы к решению этой проблемы проявились у мыслителя. История становится, в целом ближе к комментарию, нежели к обобщениям. Именно поэтому историк философии сам должен быть философом, ибо он проходит с изучаемым мыслителем тот же путь решения, он «пере-думывает» ход мысли, в то же время сохраняя дистанцию и критический настрой сознания. Только в этом случае история философии может чему-либо научить, как-либо способствовать движению мысли, именно такая история философии может быть полезна для рассмотрения современной проблематики. Поскольку, как я упомянул, я заинтересован в том, чтобы мое рассмотрение концепции толерантности Кузанца показало, что современные исследователи толерантности что-то упускают, чем-то пренебрегают, причем неправомерно, в своем

¹² Passmore John. The Idea of a History of Philosophy. // *History and Theory* v. 5, Beiheft 5: The Historiography of the History of Philosophy (1965), 1-32. P. 28.

¹³ «The problem which is raised (after Hegel) by Kuno Fischer, of reconciling the claims of philosophy to truth with recognition that it has a history, disappears if philosophy is an attempt to arrive at the solution of problems by discussion. Truth has no history, but the discussion of problems has a history». Ibidem, P. 31.

редуцировании понимания толерантности только как либеральной толерантности, я буду исходить в историко-философском анализе трактата и концепции Кузанца из установок, предложенных Пассмором. Мой анализ является «комментирующим» исследованием, нацеленным на изменение определенных современных воззрений.

Научная новизна, теоретическое и практическое значение исследования.

Дается полномасштабный анализ трактата Николая Кузанского «О религиозном мире», его содержания, исторической ситуации его возникновения, его философских предпосылок и установок, его драматической составляющей, его связи с традицией межконфессионального диалога.

Дается анализ существующих интерпретаций концепции толерантности Николая Кузанского в работах Эрнста Кассирера, Дэвида Леонардиса, Кэрри Нидермана и Жаннин Килле и их оценка.

Указывается на оригинальность концепции толерантности Николая, на правомерность тезиса критиков либеральной толерантности, что концепция толерантности Николая является альтернативной моделью либерального понимания толерантности, тем самым свидетельствуя о множественности и вариативности моделей толерантности.

Демонстрируется возможность религиозной концепции толерантности (аналогом либеральной толерантности, в которой является миролюбие), опровергая, что таковая может быть лишь светской добродетелью.

Положения, выносимые на защиту.

1. Вступая в полемику с эксклюзивистской трактовкой толерантности, я обращаюсь в рамках историко-философского исследования к концепции толерантности Николая Кузанского, тем самым, используя историю философии как аргументацию. Потому, в методологическом обосновании, я рассматриваю модели историй философии и

показываю, опираясь на концепцию проблемной истории философии Дж. Пассмора, что методология «комментирующего» историко-философского исследования может обеспечить применимость результатов историко-философского исследования к решению современных проблем.

2. Показано, что концепция толерантности Николая Кузанского, представленная в «О мире веры» является свидетельством существования «до-Локковых» моделей толерантности, и что она, оставаясь религиозной, несекулярной, отличной от либеральной, предлагает действительную модель толерантности; однако, оставаясь средневековой, она устанавливает принцип миролюбивого, толерантного сознания для *межгрупповых*, в данном случае межконфессиональных, отношений.
3. Показано, что концепция толерантности Николая основывается на его философско-исторической идее развертывания божества в истории, таким образом, что единая вера предполагается присущей всем разумным от сотворения и постепенно раскрывается до полного развертывания при Пришествии.
4. Показано, что концепция толерантности Николая исходит из эпистемологической предпосылки достаточности разума для раскрытия предполагаемой единой веры, которая в свою очередь опирается на его теорию соотношения веры и разума.
5. Показано, что концепция толерантности Николая строится на определенных этико-социальных допущениях, представленных им во всей полноте в «О католическом согласии», согласно которым меньшинство мудрых способно после достижения теоретического согласия в «небе разума» учредить единство в мире политическом.
6. Показано, что концепция толерантности Николая представляет единую веру, к которой предстоит придти всему человечеству, достаточно абстрактно как по содержанию (используются философские категории

единство-равенство-связь), так и форме (культ и ритуал понимаются как *signa sensibilia veritatis fidei*).

7. Показано, что, будучи отличной от либерального понимания толерантности, концепция толерантности Николая является моделью толерантного сознания, т.е. основывается на понимании естественности и неустранимости различия, инструментальное понимание толерантности заменено «толерантным сознанием» (сознанием, для которого наличие различия не является фактором фрустрации).

Апробация.

Выводы, полученные в ходе исследования, были представлены научному сообществу в ряде докладов на конференциях (Екатеринбург, зимние и летние школы УрМИОНа в 2001 и 2002 гг.; Екатеринбург, Второй международный философский Конгресс; Будапешт, Летняя школа по толерантности, 2003; Сараево-Мостар, Международный «Форум Босния», 2004; Бостон, семинар Института экономической и культурной истории при Бостонском университете, 2004).

Структура. Диссертация состоит из введения, двух глав, вторая же глава из трех параграфов, и заключения; в количестве 124 страниц; библиографии из 144 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

В первой главе показывается, что прежний – либеральный – подход перестал удовлетворять как практическим условиям современной политической жизни (прежде всего, проблема признания *групповых прав*: регуляция отношений групп и их членов; требования групп, с одной стороны, включенности в общественное пространство, претензии на общественные ресурсы и поддержку, а, с другой стороны, требования самостоятельности в решении внутригрупповых вопросов, иногда противоречащей общественным законам),¹⁴ так и новейшим исследованиям в области политической теории, особенно исследованиям по *истории* толерантности (прежнее представление о возникновении толерантности лишь в Западной Европе Нового времени вследствие религиозных войн было пересмотрено). Далее рассматриваются интерпретации концепции толерантности Николая.

К. Дж. Нидерман полагает, что для Кузанца мир населен множеством народов, сотворенных Всевышним, и вследствие непостижимой таинственности божества (*deus absconditus*) у каждой нации сложились в ходе истории и благодаря периодическим явлениям национальных пророков и визионеров свои религиозные традиции почитания божества, но разница традиций и ритуалов лишь способствует почитанию (ведь каждая нация стремится сделать свои ритуалы более достойными и приятными божеству), в то время как в основе всех религий лежит единое, общее для всех наций представление о божестве – *una religio in rituum varietate*. Таким образом,

¹⁴ Принято выделять три типа требований толерантного отношения: 1) требование невмешательства, право на частную жизнь, которую никто не имеет право контролировать; 2) требования равноправия и равного доступа к общественным ресурсам и общественному пространству; 3) требование специальных прав для своей группы по отношению к членам своей группы – ради сохранения идентичности этой группы (например, возможность не давать своим детям образования вне рамок общины или исключать из группы). Для либералов первые два требования обычно рассматриваются как должное, тогда как третье – не всегда приемлемо; в то время как для «не-либералов» особенно важны первое и третье, обеспечивающие автономии группы. Таким образом, проблемы толерантности требуют модели, позволяющей оценить как предоставление равных, так и специальных прав.

Нидерман видит основу воззрений Кузанца на толерантность в *национализме*, специфически понятием.

Э. Кассирер считает, что «только *через индивидуальное* (курсив текста – А.М.) постигаем мы то Единое, которое лежит «за пределами бытия». Именно эта идея, с точки зрения Николая Кузанского, и позволяет создать теодицею религиозных форм и ритуалов; только благодаря ей многообразие различных разновидностей религиозных форм уже не представляется противоречащим единству»¹⁵. Таким образом, Кассирер полагает, что Кузанец на основании своего скорее мистического видения отношения конечного и бесконечного, благодаря своей новой логике *coincidentia oppositorum*, преодолевающей и «снимающей» прежнюю схоластическую логику исключенного третьего, т.е. на основании *гносеологических* установок, но, главным образом, проникнутый духом нового *индивидуализма* эпохи Возрождения, ищет обоснование толерантности как самостоятельной ценности и добродетели, и представляет это обоснование в «О мире веры».¹⁶

Понятие единства и концепция соотношения целого и части, бесконечной тотальности и конечной конкретности выступают для Дэвида Де Леонардиса *метафизической* моделью, которая обосновывает этику толерантности Николая.

Дж. Хейкинг полагает в основание толерантности Кузанца его *политические* воззрения: «Идеи Кузанца, предоставляя нам продуманное понимание мудрости, конституционализма и обычая, позволяют нам увидеть

¹⁵ Кассирер, Э. Индивид и космос... 31.

¹⁶ «Все эти три составляющие духовного становления Николая Кузанского (мистицизм, схоластика, Ренессанс – А.М.) требовали приведения к одному общему знаменателю, к некоему синтезу, который на первый взгляд может показаться действительным совпадением противоположностей («*coincidentia oppositorum*»), но при ближайшем рассмотрении оказывается ни чем иным, как специфическим выражением одной из существенных, фундаментальных проблем ренессансного духа.

Тот факт, что Возрождение все свои духовно-творческие силы направляет на углубление проблемы индивидуума, не требует специальных доказательств – здесь остаются в силе принципиальные идеи концепции Буркхардта». Кассирер, Э. Индивид и космос... 36.

межрелигиозный диалог не predetermined конечностью всепоглощающей истории, но с точки зрения вечности».¹⁷

В основе мировоззрения Кузанца, полагает Ж. Килле, лежит чувство «предустановленной гармонии», но поскольку эта гармония не статична, а динамична, то ее пронизывают процессы свертывания и развертывания, таким образом, идея гармонии, существующей через и в различиях (*concordia differentiarum*), является для Кузанца универсальным концептом. Задача философа лишь прояснить, раскрыть всем эту гармонию, как по отношению к жизни Церкви, которая здесь понимается как церковь *coniecturalis*, т.е. как не могущая претендовать на абсолютное единство; так и в христологии, ибо Христос есть посредник, связь, скрепляющая минимум и максимум; а также по отношению к историческим религиям, каковые нужно разделять не на ислам, христианство и т.п., а на религию овладевших умозерцанием (ученым незнанием), религию пользующихся разумом и религию воспринимающих только чувственное (*celle des contemplatifs, celle de ceux qui usent de la raison, et celle des homes qui n'ont d'autre finalité que celle de la jouissance des biens sensibles*). В целом, Килле видит обоснование толерантности Кузанцем через призму его *основных философских воззрений*: ученого незнания, предположительности всякого знания и человеческого установления или института, включая церковь, прогрессивного откровения, диалектики свертывания и развертывания и т.п.

Однако, нельзя согласиться с интерпретацией Кассирера, при всем, по выражению Гадамера, *Scharfsinn und Gelehrsamkeit*, его рассмотрение более

¹⁷ «Nicholas bases his ideas of religious toleration on an understanding of rituals that sees them standing between universal *latria* and pure conventionalism. His mixed constitutionalism provides the basis for viewing rituals as a mixture of prophetic transmissions of universal *latria* and a people's lived religious experience, where the competition among rites serves as a kind of analogy, for the *rudes*, for the philosophizing conducted by prophetic mystics. Nicholas' medieval political and religious ideas are thus more contemporary, more conducive to the spirit of liberalism, than current ideas that force religious expression to the public sidelines and that view religious expression simply as backward and unsophisticated, merely as "conventional". Nicholas' ideas allow us to see interreligious dialogue under the eternal arc rather than as predetermined by corrosive end of history by providing us with a thoughtful account of wisdom, constitutionalism, and custom». 28.

не может считаться исторически обоснованным. Он не только существенно «модернизировал» (связал с эпохой Нового времени) воззрения Кузанца, в том, что стремился обосновать, по замечанию Гадамера, неокантианство, и обнаружить в нем истоки современной науки и немецкого идеализма вообще, но и, вследствие своей Буркхардтианской предпосылки, совершенно несправедливо приписал Кузанцу «Ренессансный дух индивидуализма».¹⁸

Интерпретация Де Леонардиса, ограничиваясь сведением метафизики Кузанца лишь к понятию единства и его импликациям, совершенно недостаточна для адекватного понимания теории толерантности Кузанца, и, к сожалению, во многом вторична.

Джон Хейкинг в своей интерпретации основывается на американской традиции понимания политической философии Николая, в особенности же на *De Concordantia Catholica*, при этом оставляя почти без внимания метафизические и гносеологические составляющие его теории.

Наиболее взвешенной и интересной представляется интерпретация Кэрри Нидермана, однако, она также опирается в основном на элементы политической философии Николая, почти не затрагивая метафизические, гносеологические, теологические и экклесиологические составляющие его теории.

Будучи очень насыщенной философскими идеями, интерпретация Килле не вполне внимательна по отношению к тексту трактата, поскольку именно все те идеи, на которых строится ее рассмотрение, т.е. идея ученого незнания, свертывания-развертывания, минимума-максимума, а также идея *coniecturarum*, в «О мире веры» не фигурируют, на что я указываю в третьей

¹⁸ О критике Буркхардта написано достаточно, что же непосредственно касается трактата Кузанца, то: «Certainly, it is evident that *De Pace Fidei* is not a work *de tolerantia* in the modern sense that an earlier generation of scholars proposed. Nicholas makes no room for individual rights or liberty of conscience, as later thinkers would. Rather, his account of toleration is constructed in a framework of what may be termed “group rights” typical of the Latin Middle Ages». Worlds, 95. Ср. также: «Nachdem Ernst Cassirer in seinem Buch *Individuum und Kosmos* in der *Philosophie der Renaissance* Cusanus zum Ideengeber für das italienische Quattrocento erhoben hatte, gab es eine harte Reaktion der besten italienischen Forscher. Sie verweisen darauf, wie verschieden die kulturelle Welt Ficinos von der des Cusanus gewesen sei...» Flasch, Kurt. *Nikolaus von Kues: Geschichte einer Entwicklung*. Frankfurt-a-M: V. Klostermann, 2001, p. 375.

главе. Таким образом, охватывая философию Кузанца в целом, Килле упускает из виду те конкретные задачи, что Кузанец решал в рассматриваемом диалоге. После рассмотрения и критики существующих интерпретаций концепции толерантности Николая я обращаюсь к анализу трактата.

В первом параграфе второй главы дается краткий обзор биографии Николая, его интеллектуальные истоки (Марсилиус Падуанский, Раймунд Луллий, Мейстре Экхарт и др.), рассматривается его опыт практического диалога с инаковерцами (гуситами, греками и др.), а также его связь с традицией литературного жанра межконфессионального диалога. Говорить о влиянии межконфессиональных диалогов Раймунда Луллия и его предшественников на концепцию толерантности Кузанца можно лишь в очень ограниченном смысле: ни метод «деревьев» (Луллий), ни отрытая концовка (Абеляр, Луллий), ни ориентация на доказательство преимуществ христианства (все) не свойственны Николаю, он строит самостоятельную и целостную концепцию толерантности.

Во втором параграфе второй главы представлена драматическая канва, изображенная в диалоге, повод, ситуация встречи, участники, логика собеседования, и проанализированы лежащие в ее основе установки и допущения Кузанца о том как должен проходить такой собор-совет « в небе разума», т.е. рассмотрены концилиаристские воззрения Николая на сообщество, управление сообществом, изложенные в его «О католическом согласии». Таким образом, предлагаемая Кузанцем в трактате драматическая канва представляет нам целостное видение общественной жизни людей, причем в процессе ее исторического развития, которое одновременно опирается на гносеологические воззрения. Кузанец, по большому счету, видит всякое общество как Церковь – сообщество ищущих Бога, ибо это естественное стремление каждого человека, а историю как богопознание. Греховность лишила человека непосредственного созерцания Бога, внесла враждебность, ибо, не зная Бога, но строя лишь догадки (*coniecturae*),

человек со временем принимает эти догадки за истину и «готов отстаивать ее даже кровью своей». Тем не менее, не многообразие, которое также естественно свойственно творению, но лишь непонимание свернутого единства, неосознанность единой предполагаемой (*praesupposita*) веры ведет к конфликтам. Единожды осознав свернутую, предполагаемую единую веру, сообщество, строящееся на принципах консенсуса и добровольного подчинения мудрым, достигнет мира. В контексте жанра межрелигиозного диалога текст Кузанца, вводящий в качестве персонажей Бога Слово и Бога Отца (пусть в косвенной речи), привлекающий к диалогу представителей почти всех известных религий (Грек, Италиец, Галл, Испанец, Араб, Египтянин, Германец, Скиф, Татарин, Араб, Индус), но используя их национальные имена, т.е. в качестве представителей *национальных* религий, и завершающий свои теоретические изыскания проектом международного «summit»'а в Иерусалиме, политически закрепляющего объединение религий, не имеет предшественников.

В третьем параграфе второй главы рассматривается философско-теологические понятия, лежащие в основе аргументации Кузанца, выводом из которой должно стать признание единой веры, «предполагаемой» во всех религиях. Идея мудрости, обеспечивающая это скрытое внутренне единство, тем не менее не может преодолеть многих частных сомнений, которые Кузанец и разрешает вполне в традиции *quaestiones disputatae* (язычество, идолопоклонство, троичность, боговоплощение, будущая жизнь, Писания, обряды). В разрешении этих вопросов Кузанец действительно строит свои доводы только на основании естественного разума, или точнее, рассудка, не прибегая ни к учению о совпадении противоположностей, ни к концепции знания как предположения, ни к своим прежним геометрико-математическим построениям об абсолютном и относительном максимумах. Опираясь в основном на общеизвестные, проистекающие из античности, философские положения (учение о мудрости, непостижимости и невыразимости первоначала, и др.), хорошо известные и среди мыслителей иных религий

(прежде всего мусульман и иудеев), он пытается построить *rationale* приемлемое для естественного, чисто философского разума, которое стало бы основанием для принятия единства веры каждым, кто обладает этим естественным разумом. Таким образом, показано, какой именно представляется Кузанцу единая вера, предполагаемая во всех религиях, и что возможность такой единой веры основывается на:

- довольно абстрактном характере веры, предлагаемой Кузанцем в качестве общей для всех, божество описывается философскими категориями (единство-равенство-связь), любые конкретные именованья, в том числе, христианская Троица признаются условными и чисто символическими;¹⁹

- специфическом понимании культа и обрядов как конкретных восприятий, частных откровений конкретным людям и народам, которые в ходе истории становятся освященными авторитетом предков и традицией, а потому защищаются как истина; историчность, с одной стороны, и естественное многообразие народов, с другой, ответственны за различие культов, которые, однако, являясь *signa sensibilia veritatis fidei*, вполне могут быть терпимы, при условии единства веры, лежащей в их основе.

В заключении представлены выводы, а также указывается на возможность их применения в современных дискуссиях о толерантности.

¹⁹ Ср. также: «... идея различения сущности, «ядра» и *adiaphora* («безразличного») в религиозных вопросах является именно скептической. Идея эта состоит в утверждении важности лишь некоторых самых общих, а потому предельно абстрактных догматов; все же остальное объявляется несущественным в деле спасения, а потому и не должно становиться причиной войны или раздора. Нам не дано знать наилучшего пути к спасению, а значит, все пути одинаковы, и различие их вовсе не оказывает никакого влияния на окончательное спасение человека. Подобный подход представляет собой что-то вроде умеренного теологического скептицизма, и на протяжении некоторого времени он и в самом деле был основой веротерпимости, положившей конец эпохе европейских религиозных войн. 103 Хомяков М.Б. Толерантность, либерализм, скептицизм». Толерантность 2/2003, 102-125.

Опубликованные работы.

1. Меньшиков А.С. Толерантность и христианская апологетика. // *Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт: Материалы зимней школы «Толерантность и ненасилие»* (Екатеринбург, январь-февраль 2000 г.). Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 90-93 стр.
2. Меньшиков А.С. Толерантность и христианская апологетика. // *Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт: Материалы зимней школы «Толерантность и ненасилие»* (Екатеринбург, январь-февраль 2000 г.). Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 90-93 стр.
3. Меньшиков А.С. Типы теоретического обоснования толерантного отношения. // *Толерантность в современной цивилизации. Материалы международной конференции 14-19 мая 2001г.* Екатеринбург: УрМИОН, 2001. 162-167 стр.
4. Меньшиков А.С. Возможность обоснования идеи толерантности. // *Материалы летней школы молодых ученых: «Россия-Запад: философские основания социокультурной толерантности».* Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 76-80 стр.
5. Меньшиков А.С. Философские основания толерантности в «О мире веры» Николая Кузанского. // *Сумма философии.* Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. 33-41 стр.